

DOI: 10.21779/2077-8155-2023-14-1-26-38

УДК 291.5, 291.6

Информация о статье

*И.А. Мухаметзарипов*¹

Содержание статьи

Введение
Практики урегулирования конфликтов
Доктринальные основы урегулирования конфликтов в исламе
Мусульманские практики урегулирования конфликтов в современной России: примеры Дагестана и Татарстана
Заключение

Поступила в редакцию: 04.02.2023
Передана на рецензию: 10.02.2023
Получена рецензия: 28.02.2023
Принята в номер: 24.03.2023

**Мусульманские практики урегулирования конфликтов:
доктринальные основы и их реализация в современной России**

*Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан;
muhametzaripov@mail.ru*

В статье обобщаются основные положения теории конфликта о практиках урегулирования конфликтных ситуаций (Г. Зиммель, Л. Козер, К.Ю. Боулдинг, Р. Дарендорф), раскрываются основы исламского вероучения о примирении, медиации, арбитраже и судействе, анализируются примеры подобных практик в Дагестане и Татарстане. Конфликтологи выделяют три способа урегулирования конфликтов – переговоры, медиацию, арбитраж – тогда как судейство рассматривается как принуждение. В Коране, Сунне и литературе по фикху упоминаются четыре практики урегулирования, однако особый акцент делается на примирении и справедливом судействе согласно предписаниям Аллаха. Мусульманский посредник обладает широким набором инструментов для решения конфликта и может выступать в разных ролях: арбитры и судьи могут одновременно консультировать и примирять стороны в зависимости от обстоятельств, при этом соблюдение религиозных норм является главным элементом мусульманской системы. В современной России традиционные мусульманские практики функционируют с учетом региональных и культурных особенностей. Например, регуляторами конфликтных ситуаций в Дагестане и Татарстане выступают мусульмане, авторитетные в силу знаний, опыта и статуса: специалисты по шариату, имамы, кадии (казьи) и другие представители муфтиятов, предприниматели, иные уважаемые в соответствующей общине люди. Предметом рассмотрения становятся разнообразные конфликты между единоверцами: брачно-семейные дела, имущественные и предпринимательские споры, вопросы компенсации в случаях причинения смерти, вреда здоровью и др.

Ключевые слова: *институты урегулирования конфликтов, медиация, арбитраж, суд, мусульмане, Россия.*

¹ *Ильшат Амирович Мухаметзарипов* – ведущий научный сотрудник Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, кандидат исторических наук.

DOI: 10.21779/2077-8155-2023-14-4-26-38

UDC 291.5, 291.6

Content of the article

Information about the article

I.A. Mukhametzaripov²

Introduction.
Conflict resolution practices.
Doctrinal foundations of conflict resolution in Islam.
Muslim practices of conflict resolution in modern Russia: Examples of Dagestan and Tatarstan.
Conclusion.

Received: 04.02.2023
Submitted for review: 10.02.2023
Review received: 28.02.2023
Accepted for publication: 24.03.2023

Muslim Practices of Conflicts Resolution: Doctrinal Bases and Their Implementation in Contemporary Russia

*The Center for Islamic Studies of Tatarstan Academy of Sciences;
muhametzaripov@mail.ru*

The article summarizes the main provisions of the theory of conflict regarding the practices of conflict resolution (G. Simmel, L. Coser, K.E. Boulding, R. Darendorf), reveals the foundations of the Islamic doctrine of reconciliation, mediation, arbitration and judging, provides examples of these practices in Dagestan and Tatarstan. Conflictologists identify three ways to resolve conflicts: negotiation, mediation and arbitration, while judging is viewed as coercion. The Qur'an, the Sunnah and fiqh literature also mention four practices of settlement, but the focus is on reconciliation and fair judging in accordance with Allah's commandments. Muslim conflict regulators have various tools for resolving conflict and can act in different roles: arbitrators and judges can simultaneously advise and reconcile the parties, depending on the circumstances, while respect for religious norms is the main element of the Muslim system. In contemporary Russia, traditional Muslim practices are used taking into account regional and cultural features. For example, the regulators of conflict situations in Dagestan and Tatarstan are Muslims who are authoritative due to their knowledge, experience and status: Sharia specialists, imams, qadis and other representatives of muftiats, businessmen, and other people respected in their communities. The cases are various: marriage and family matters, property and business disputes, issues of compensation in cases of death, health harm and other conflicts between believers.

Keywords: *conflict resolution institutions, mediation, arbitration, judiciary, Muslims, Russia.*

Введение

Религиозные практики в общественном сознании принято сводить к обрядам и ритуалам, касающимся поклонения, религиозных праздников, похорон и поминок, хотя к ним прибегают и в брачно-семейных отношениях, при разделе имущества, ведении предпринимательской деятельности и других случаях. В качестве особой сферы можно выделить урегулирование конфликтных ситуаций. В древности и в Средние века религиозные нормы были основой и составной частью законодательства, религиозные органы осуществляли государственные функции (надзор за нравственностью, судейство, исполнение наказаний, удостоверение юридических фактов и др.), но секуляризация существенно трансформировала функции религиозных институтов, ограничив религиозное

² *Ishat Amirovich Mukhametzaripov* – Cand. Sc. (History), leading researcher at the Center for Islamic Studies of Tatarstan Academy of Sciences.

регулирование общественных отношений. Изменилась жизнь населения, община и традиции предков уступили место светским учреждениям, индивидуальным правам и свободам.

Постсекулярный поворот в социально-политической жизни и оживление интереса к религии внесли свои коррективы. Оказалось, что религиозные нормы и институты по-прежнему востребованы частью населения. Сообщества верующих не анахронизм, которому предстоит исчезнуть, а активные объединения, оказывающие влияние на поведение индивидов, в том числе разрешающие споры. Многие вопросы, требующие религиозных знаний (например, прекращение брака, раздел наследства, ведение бизнеса в соответствии с божественными предписаниями), зачастую не могут быть решены верующими правильно без участия священнослужителей и богословов, а аналоги институтов старейшин и общинных собраний способны воспроизводиться и в городской среде.

Вопросами исламской медиации и арбитража в последние десятилетия занимались многие отечественные исследователи, но публикации были преимущественно посвящены общим началам фикха в данной области [4; 7] и мусульманским практикам урегулирования конфликтов на Северном Кавказе [1; 2; 6]. В нашем исследовании мы обобщаем наработки в теории конфликта касательно разрешения конфликтных ситуаций; соотносим их с позицией исламского вероучения, изложенной в Коране, Сунне и литературе по фикху; анализируем примеры реализации практик исламской медиации, арбитража и судейства на территории Дагестана и Татарстана, где в основном проживают представители двух суннитских мазхабов: шафиитского и ханафитского.

Практики урегулирования конфликтов

Конфликт в гуманитарных науках рассматривается как органическая часть жизни. Г. Зиммель считал конфликт формой социализации и взаимодействия, а причину конфликтов видел в несовершенстве социальных групп. Конфликт несет в себе социальные функции, так как в любом жизнеспособном коллективе уже имеется определенный уровень конфликтности. Конфликты могут быть мотивированы как личными целями, так и групповыми, а их причины кроются в человеческих желаниях и чувствах. Результатом конфликтного взаимодействия является устранение противоречий, поэтому в любом конфликте заложены как негативный, так и позитивный аспект [20, с. 70–71]. Л. Козер определял социальный конфликт как борьбу из-за ценностей и претензий на статус, власть и ресурсы, в которой цели оппонентов заключаются в нейтрализации, нанесении вреда или ликвидации своих соперников [16, с. 8, 54]. К.Ю. Боулдинг называл конфликт ситуацией соперничества, в которой стороны осведомлены о несовместимости потенциальных позиций друг друга и хотят занять позиции, несовместимые с желаниями другой [14, с. 1–6].

Р. Дарендорф выделил три варианта регулирования социальных конфликтов: 1) разрешение (идеальный, но недостижимый вариант); 2) подавление; 3) урегулирование. Урегулирование будет эффективным в случае, если стороны понимают позиции друг друга, действуют в рамках определенных правил, а институты урегулирования автономны, их решения выносятся после выслушивания всех сторон и обязательны для выполнения. Он выделил три вида урегулирования: примирение, медиация и арбитраж [18, с. 223–228]. Отдельно ученый выделил «юридический» арбитраж, оценивая его негативно, поскольку зачастую судьи не ищут пути эффективного урегулирования конфликта, а лишь принуждают одну из сторон.

Вслед за Р. Дарендорфом в современных исследованиях религиозные институты урегулирования конфликтов относят к системе «альтернативного разрешения споров» – урегулированию споров в негосударственных судах в досудебном порядке посредством

практик примирения, медиации и арбитража, не упоминая о религиозном суде [13; 15]. Однако принуждение также является способом разрешения конфликта – привлечение виновной стороны к ответственности восстанавливает порядок и снижает напряженность. Поэтому уместно выделить следующие практики: 1) переговоры (если это необходимо, то возможно участие неформального посредника), 2) медиация (посредник избирается сторонами и организует урегулирование конфликта, но исполнение соглашения сторонами добровольное), 3) арбитраж (арбитр выбирается сторонами, исполнение решения может быть добровольным или принудительным) и 4) суд (судья не выбирается сторонами, исполнение решения обязательно).

Исходя из изложенных положений, определим религиозные практики урегулирования конфликтов как принятые в религиозных объединениях способы разрешения конфликтных ситуаций, основывающиеся на религиозных предписаниях. Может показаться, что религиозные институты в этом отношении полностью подобны светским государственным и негосударственным институтам медиации и судопроизводства, однако провести полную аналогию невозможно. Во-первых, религиозные объединения, их органы и лидеры в светских государствах лишились многих функций в сфере регулирования общественных отношений и не имеют легальной возможности принудить индивидов к исполнению вынесенных религиозными органами решений. Во-вторых, религиозные институты сохраняют традиционные черты в плане отсутствия детальной регламентации, изложенной в одном или нескольких официальных документах, предписывающих рассмотрение дел определенным образом в установленных рамках (место рассмотрения, состав участников, процедуры, сроки и др.). Подобная фиксация характерна для современного права «европейской» модели, тогда как традиционные системы урегулирования конфликтов отличаются большей свободой в процессуальном отношении. Можно рассматривать это как недостаток в сравнении со светским правом (нет единообразия в разрешении конфликтов), а с другой стороны – как преимущество, позволяющее религиозному судье или посреднику более гибко подходить к урегулированию конфликта, используя разные подходы и инструменты воздействия, выступая в разных ролях с единственной целью – устранить противоречия и достичь согласия в сообществе. Так, религиозные медиаторы могут способствовать достижению согласия между сторонами, ограничиваясь лишь советами. Арбитр примиряет спорящих, обратившись к религиозным текстам и примерам из жизни праведников. Судья способен выступить медиатором, опираясь на свой жизненный опыт и духовный авторитет, не прибегая к формальным процедурам.

Доктринальные основы урегулирования конфликтов в исламе

В исламе существует три способа урегулирования конфликтов: 1) примирение (сульх); 2) арбитраж (тахким); 3) судопроизводство (када). Указанные практики берут свое начало из традиций арабских племен и упоминаются в аятах Корана. В тексте Священного Писания часто используются слова, касающиеся урегулирования конфликтов: *хакама* (араб. «судить», «решать»), *када* (араб. «судить», «решать»), *сульх* (араб. «примирение»). Во многих аятах говорится о необходимости примирения и справедливого судейства между людьми. Каждый из ссорящихся супругов должен выбрать представителя из числа своих родственников для примирения (Ан-Ниса', 35) [5]³. Выбранный судья должен судить между людьми по справедливости (Ан-Ниса', 58). Не является грехом примирение женщины с

³ Здесь и далее ссылки на суры Корана и номера аятов приводятся по изданию: [Коран / пер. с араб. и коммент. Б.Я. Шидфар. – М.: Изд. дом «Марджани», 2012.](#)

супругом, на которого она жалуется из неприязни, скупости или небрежения (Ан-Ниса', 128).

В Коране подчеркивается, что принципы и практики арбитража и судейства берут свое начало с древности и восходят к первым пророкам, например к пророку Дауду (Сад, 22). В 9 аяте суры «Аль-Худжурат» раскрываются общие начала урегулирования конфликта: если две группы верующих спорят и дерутся, то их следует примирить, но если одна группа затем нападет на другую, то следует принудить нарушителей к исполнению веления Аллаха, и если они одумаются, то нужно примирить стороны, не чиня обид и по справедливости. Как видим, медиация и судейство поэтапно сменяют друг друга по мере необходимости, а используемые инструменты гибки: одобряется возврат к предыдущей стадии урегулирования без эскалации конфликта и превращения конфликтующих сторон в непримиримых врагов из-за причиненных обид и ощущения несправедливости.

Следует отличать примирение в исламе от светских процедур медиации. Медиация в исламе, как и в любой религиозной нормативной системе, основывается на божественных установлениях, и к ним относятся не только общие принципы урегулирования конфликта, но и материальные и процессуальные нормы, применимые к спору. Мусульманский посредник, арбитр или судья соотносят предмет спора и поведение участников с предписаниями шариата, не имея права рекомендовать сторонам отойти от религиозных предписаний. Перед третьей стороной не стоит задача любой ценой достичь соглашения между оппонентами, даже за счет нарушения мусульманских предписаний, иначе она сама станет правонарушителем. Об этом однозначно говорится в аяте Корана, обращенном к Пророку: «Суди же меж ними согласно тому, что ниспослал Аллах, не следуй их желаниям и берегись, чтобы они не ввели тебя в заблуждение относительно части того, что ниспослал тебе Аллах...» (Аль-Ма'ида, 49). В Коране призывы к соблюдению норм ислама повторяются многократно, с одновременным упоминанием добрых дел, блага, примирения, терпения, недопустимости дурного (Аль-Имран, 104; Ан-Ниса', 110, 114; Ат-Тауба, 71; Лукман, 17).

В многочисленных хадисах зафиксированы принципы и практики урегулирования конфликтов самим пророком Мухаммедом и его сподвижниками. Мусульманин является братом и помощником другому мусульманину, он не должен притеснять единоверца или помогать притеснителю (Бухари, 2442) [12]⁴. Притеснение подобно тьме в День Страшного суда, а проклятия притесняемого следует опасаться, поскольку нет преграды между его мольбой и Аллахом (Бухари, 2447, 2448).

Больше всего ненавистен Аллаху самый сварливый из людей, а руководитель общины должен поддерживать мир между людьми (Бухари, 2457, 2690, 7188, 7190). Тот, кто примиряет людей, говоря благое или доводя до них благое, не является лжецом (Бухари, 2692). Мусульманину не позволяется разрывать отношения с другим мусульманином на срок более трех ночей, отворачиваясь друг от друга при встрече. Лучшим из них является тот, кто первым скажет слова приветствия (Бухари, 2560). Примирение между мусульманами дозволяется, кроме случаев, когда дозволенное становится запретным, а запретное – дозволенным (Абу Дауд, 3594).

Мусульманские богословы рассматривают примирение как пользу, поскольку оно устраняет раздоры в разных сферах: между мусульманами и немусульманами, между сторонниками разных политических сил, между супругами, между тяжущимися, особенно в имущественных вопросах. Допустимо примирение и в случае преступлений категорий «тазир» и «кисас», если того желает потерпевшая сторона. Мир достигается посредством произнесения слов предложения (*иджаб*) и принятия условий (*кабул*) мира. К личности примирителя (араб. «мусалих») предъявляются строгие требования: он должен осознавать

⁴ Здесь и далее ссылки на хадисы приводятся согласно сборникам хадисов на сайте «Sunnah.com» (текст параллельный на арабском и английском языках). – Режим доступа: <https://sunnah.com>.

значение своих действий; не причинять вреда подопечному, от имени которого действует; не быть вероотступником. После заключения мира конфликт прекращается и вопрос не может быть рассмотрен повторно. Отказ одной из сторон от выполнения условий ведет к прекращению мирового соглашения [9, с. 294–295, 299–300, 318].

Под арбитражем в исламе понимается урегулирование споров с привлечением арбитров по делам, касающимся частных дел: браков, разводов, имущественных вопросов, не входящих в компетенцию главы мусульманской общины или государства (например, нельзя рассматривать посредством арбитража дела о преступлениях). Стороны должны подчиниться решению арбитра, однако до вынесения приговора могут отказаться от арбитража [10, с. 756–757].

Решения арбитров и судей (кадиев) должны соответствовать нормам ислама, принципам воздаяния, справедливости, беспристрастности, доказанности, компенсации вреда и предотвращения конфликта в будущем. Когда пророк Мухаммед отправлял Муазу ибн Джабала в Йемен, он спросил: «Как ты будешь судить?». Муаз ответил, что будет руководствоваться Кораном и Сунной, а если не найдет в указанных источниках соответствующих положений, то будет судить согласно своему мнению (*иджтихад*) (Абу Дауд, 3592). Умар ибн аль-Хаттаб дал Шурайху ибн аль-Харису наказ судить, в первую очередь, согласно предписаниям Корана, примерам из Сунны, решениям праведных правителей, и только в последнюю очередь обращаться к *иджтихаду*. В противном случае судье лучше отказаться от рассмотрения дела (ан-Насаи, 5379). Не следует завидовать никому, кроме двоих: человеку, которому Аллах даровал богатство, чтобы он мог потратить его на благие поступки, и человеку, которому Аллах дал мудрость для отправления правосудия (Муслим, 816).

Пророк говорил, что судья не должен судить людей в состоянии гнева (Бухари, 7158). Он предписывал Али ибн Абу Талибу заслушивать во время судейства мнение обеих сторон, поскольку только в таком случае решение станет ясным (Ахмад, 690, 1211, 1280–1283, 1285). Согласно Сунне судьи подразделяются на три категории: 1) судящий по незнанию, 2) знающий истину, но судящий несправедливо, 3) знающий истину и судящий согласно ей. Первые двое окажутся в аду, а последнему уготован рай (Абу Дауд, 3573; ибн Маджа, 2315).

Хотя требования к регуляторам конфликтов высоки, не исключается вероятность ошибок, даже если были приложены все усилия. Судья получает двойную награду тогда, когда он совершает *иджтихад* и выносит правильное решение, и вознаграждается в одинарном размере в случае, если он ошибся при судействе (Тирмизи, 1326; ан-Насаи, 5381). Судья имеет право пересмотреть свое мнение, даже если ранее вынес иное решение по аналогичному делу, при условии, что он тщательно исследует вопрос с точки зрения ислама и придет к выводу о правильности своего нового решения. Предыдущее решение не влияет на последующее, и пересмотр мнения лучше, чем проявление настойчивости в заблуждении [11, с. 206–207].

Если судья ошибся по причине более убедительной аргументации одной из сторон, победитель сам решает, воспользоваться ли ему своим правом, так как в случае несправедливости ему достается только «часть адского пламени» (Бухари, 2458, 7169, 7181, 7185; Муслим, 1713; Малик, 1402). Аллах гневается на того, кто по требованию судьи дает ложную клятву с целью получить имущество мусульманина (Бухари, 7183, 7184). Кара настигнет не только несправедливого или невежественного судью, но и тех участников разбирательства, кто воспользуется ошибкой или будет действовать обманом.

Лицо, занимающееся судейством в делах мусульман, должно быть дееспособным, совершеннолетним, свободным, справедливым, исповедовать ислам, не иметь проблем со слухом, зрением и речью, знать нормы шариата. Немусульмане могут выступать судьями только в отношении немусульман. Судьей, по мнению шафиитов, маликитов и ханбалитов,

может быть только мужчина, и лишь ханафиты допускают судейство женщины по имущественным спорам. Кроме того, по мнению маликитов, шафиитов, ханбалитов и части ханафитов, судья должен иметь способность к иджтихаду (т. е. быть богословом, знать арабский язык, быть осведомленным о решениях других ученых). Часть ханафитов считает данное условие желательным, но необязательным, однако судья должен знать законы шариата: невежественный человек не может судить. Для судейства нужны судьи, их помощники и исполнители, знатоки фикха, писцы и свидетели. Судья не должен затягивать рассмотрение дела, если права установлены и решение стало для него очевидным. Отсрочка допускается лишь на определенный срок в случае сомнений, надежды на достижение мирового соглашения и отказа от дачи показаний. Решение должно выноситься в присутствии сторон с оглашением соответствующего обоснования, для сохранности решения и обеспечения его выполнения следует вести запись в особой книге [10, с. 743–746, 759–760, 786].

Соотношение между примирением, арбитражем и судейством в шариате различается в зависимости от мазхаба. Так, Ш. Хуссейн отмечает, что ханафитские богословы обращают внимание на договорную основу арбитража и поэтому рассматривают арбитра в качестве представителя одной из сторон. Следовательно, решение арбитра ближе к мировому соглашению и по своей силе уступает судебному решению, что, тем не менее, не дает возможности сторонам отказаться от арбитражного решения, поскольку это аналог договора. Шафииты также считают арбитра ниже судьи в плане статуса, поскольку стороны могут отказаться от арбитража до вынесения арбитрам решения. Ханбалиты приравнивают решение арбитра к судебному постановлению, поэтому стороны должны ему подчиняться. Маликиты же доверяют арбитражу настолько, что полагают возможным избрание в качестве арбитра одной стороной конфликта другой стороны, если она доверяет нравственным качествам оппонента. Кроме того, только маликиты считают недопустимым отказ от арбитра после начала третейского разбирательства [19, с. 5–6].

Примирение и судейство в исламе изначально осуществляли пророк Мухаммед и его сподвижники; после смерти Пророка правосудие осуществляли праведные халифы и их ближайшие помощники, и только начиная с династии Омейядов судьи превращаются в часть государственного аппарата [8, с. 166–167]. Постепенно по мере усложнения структуры управления в дополнение к арбитрам и кадиям появляются назначаемые правителями должностные лица с правом урегулирования конфликтов: казначеи, судьи по гражданским и административным спорам («сахиб аль-мазалим»); чиновники, рассматривавшие дела, не принятые к рассмотрению кадиями («сахиб ар-радд»), или расследовавшие преступления («вали аль-джара'им») и др. [17, с. 126–129].

Отметим, что кадий является судьей в традиционном, а не в современном понимании. Если сегодня под судьей понимается должностное лицо, вершащее правосудие (профессионал с ограниченной специализацией), то судья в первые столетия распространения ислама отличался от единоверцев уровнем знаний, опытом и авторитетом, не только выполняя судебные функции, но и решая управленческие вопросы, собирая налоги, выступая посредником и беря на себя опеку над несовершеннолетними и сиротами. По существу, судья был не чиновником с юридическим образованием, а одним из лидеров общины, осуществляющим активное регулирование жизни сообщества. В силу развития мусульманской нормативной системы параллельно с формированием государства кадии вершили правосудие, сочетая авторитет на низовом уровне с официальными властными полномочиями, полученными от правителей. Особенность ислама в том, что даже при отсутствии у религиозных судей государственных полномочий во многих современных странах урегулирование конфликтов по шариату продолжается на уровне религиозных объединений. Традиционные практики адаптируются к новым условиям и приобретают новые функции. Кадии могут выступать досудебными арбитрами, медиаторами и

консультантами, рассматривая обращения верующих в рамках, заданных светским законодательством.

Мусульманские практики урегулирования конфликтов в современной России: примеры Дагестана и Татарстана

После распада СССР и изменения политико-правовой системы мусульманские практики урегулирования конфликтов на территории России вновь стали актуальными. Несмотря на злоупотребление ими в отдельных случаях (например, в Чечне 1990-х гг. словосочетание «шариатский суд» часто использовалось для прикрытия бандитизма и применения насилия в отношении несогласных), мусульмане смогли постепенно сформировать систему органов разрешения споров в рамках религиозных организаций, а увеличение количества людей с шариатским образованием привело к расширению сети религиозных посредников, медиаторов и арбитров.

В Дагестане в качестве единоличных или коллегиальных органов разрешения споров могут выступать образованные и опытные верующие из числа лидеров общин, старейшин, предпринимателей, мусульманских богословов (алимов), имамов при мечетях, выборных кадиев в некоторых джамаатах [3, с. 165], представителей отдела маслихата (примирения) и других работников муфтията республики. В отделе примирения Муфтията Дагестана с 2011 г. работают специалисты по шариату с соответствующим опытом, коллегиально решающие вопросы в сфере семейных, финансово-имущественных и предпринимательских отношений, а также разрешающие конфликты, связанные с причинением смерти и вреда здоровью, похищениями, мошенничеством, спорами между соседями. Отдел маслихата является инстанцией по рассмотрению споров, с которыми не смогли справиться алимы, старейшины, имамы на местах⁵. Муфтий Дагестана также может выступать в качестве посредника при примирении враждующих родов. Например, в 2021 г. маслихат с участием муфтия А.М. Абдулаева был проведен между политическими деятелями Х.И. Шихсаидовым и А.М. Зиявдиновым⁶.

По данным исследования К.И. Казенина, в Дагестане разнообразие типов субъектов медиации и их конкуренция между собой наблюдаются в городской среде (старейшины, имамы, государственные учреждения), тогда как в сельской среде авторитетный посредник обычно один. Чаще всего к исламским медиаторам обращаются для урегулирования хозяйственных споров, когда между сторонами нет документально оформленных отношений. Альтернативой религиозному посредничеству в таком случае выступает только «силовое» решение, поскольку рассмотрение в светских судах не имеет перспектив. Минусами же являются отсутствие механизмов принуждения, необязательность решений, хотя репутационные издержки, в том числе публичное оглашение медиатором негативной информации, могут заставить стороны соблюдать договоренности, особенно если стороны состоят в одной мусульманской общине [6, с. 83–86]. Религиозная медиация, по мнению ученых, в условиях конкуренции и недостаточной эффективности государственных институтов позволяет избежать эскалации конфликта и применения насилия [2, с. 95–101], хотя полную объективность мусульманских посредников гарантировать невозможно из-за разобщенности социума в плане этнических групп и разных нормативных предпочтений в религиозных сообществах.

⁵ Нурмагомедов Х. Мухаммадрасул Саадиев возглавил возобновленный отдел примирения при Муфтияте РД. 6 ноября 2021. – Режим доступа: <https://nntv.ru/news/muhammadrasul-saaduev-vozglavil-vozobnovlennyj-otd> .

⁶ Муфтият примирил дагестанских политиков. 10 июня 2021. – Режим доступа: <https://mkala.mk.ru/politics/2021/06/10/muftiyat-primiril-dagestanskikh-politikov.html> .

В Дагестане в силу достаточно сильных родовых обычаев актуальными являются примирение сторон в случаях причинения смерти или нанесения вреда здоровью для предотвращения кровной мести и иного физического насилия в отношении виновной стороны, а также урегулирование земельных споров в связи с ограниченностью плодородных сельскохозяйственных территорий. Например, М. Арсланалиев в качестве примеров наиболее сложных дел по примирению в Дагестане приводил случаи дорожно-транспортных происшествий со смертельным исходом, когда виновная сторона покидала место преступления, не помогая пострадавшим и избегая контактов с потерпевшими и их родственниками. Работники отдела многократно помогали сторонам договориться по поводу компенсаций, однако примирение между кровниками занимало длительное время⁷.

В Татарстане регуляторами спорных ситуаций могут быть как опытные мусульмане с соответствующими познаниями в шариате, так и представители духовенства: имамы и казыи (кадии), причем Совет казыев ДУМ РТ выступает коллегиальным органом для рассмотрения наиболее сложных дел. Вне системы муфтията действуют медиаторы и арбитры в сфере предпринимательства. К примеру, шариатские эксперты – члены Совета по исламскому праву Российского центра исламской экономики и финансов, специалисты по исламской экономике казанской коммерческой организации «Финансовый дом «Амаль»», эксперты по фикху консалтинговой компании «Золотой сундук» (Набережные Челны). Мусульманские системы урегулирования конфликтов в Дагестане и Татарстане во многом схожи, однако существуют некоторые различия, связанные с культурными традициями и региональными особенностями. В Татарстане основу обращений составляют брачно-семейные (как правило, бракоразводные) дела.

Примеров практик мусульманской медиации, арбитража и судейства, ставших достоянием общественности, в Татарстане в последние годы было несколько. Так, между активной в медийной сфере мусульманкой-психологом и консервативной частью мусульманского сообщества республики в 2018–2019 гг. произошли разногласия по поводу межпоколенных взаимоотношений в мусульманских семьях, и один из блогеров опубликовал статью о том, что психолог учит женщин плохо относиться к свекровям, тем самым подавая плохой пример и разрушая мусульманские семьи. Психолог не согласилась с такой интерпретацией своих идей, которые, по ее мнению, соответствуют нормам ислама и шариата. Один из религиозных деятелей по собственной инициативе решил выступить в качестве медиатора, и в халяльном заведении была проведена встреча с участием имама, блогера и женщины-психолога, которую сопровождал ее муж. Итогом стало примирение, и хотя стороны не изменили своих взглядов, эскалации конфликта в публичном пространстве не произошло⁸.

Двое казанских мусульман-предпринимателей открыли халяльное кафе, однако не оформили документов о распределении долей в бизнесе, ограничившись лишь устными договоренностями и зарегистрировав все имущество на одного из них. В 2019 г. на этой почве между бизнесменами произошел конфликт, который мужчины попытались урегулировать согласно нормам шариата, пригласив в качестве арбитров двух известных в республике экспертов: предпринимателя-специалиста в сфере исламских финансов и имама с шариатским образованием. Проведя переговоры и рассмотрев все обстоятельства дела, третейские судьи пришли к выводу о необходимости разделения долей исходя из реальных вложений бизнесменов. Стороны не смогли договориться о добровольном исполнении

⁷ Мир ценнее мести. Интервью Мухаммада Арсланалиева каналу «ИсламДаг RU» от 24 октября 2017. 23 декабря 2017. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=-0gJCcswxMQ> .

⁸ Телеграм-канал мусульманского психолога Хавы Шайдудлиной «Дневник Хавы». Сообщение от 28 августа 2022 г., 17:24. – Режим доступа: https://t.me/khava_shaidullina .

рекомендаций арбитров, а религиозные посредники не имели иных возможностей повлиять на ситуацию⁹.

В январе 2023 г. во время бракоразводного процесса у казья г. Казани муж обвинил шариатского судью ДУМ РТ в предвзятости и вынесении решения о разводе без участия в заседании мужа. Мужчина даже опубликовал аудио-обращение в сети Интернет, в котором публично сообщил о якобы имеющемся сговоре между женой и духовным лицом. Однако все доводы мужчины оказались голословными: он уклонялся от встреч с казыем, материально не обеспечивал женщину и детей. В конце концов муж явился на повторное заседание, был уведомлен о разводе шариатским судьей в присутствии свидетелей и признал правомерность действий казья¹⁰.

Заключение

Исламская традиция предлагает широкий набор для решения конфликтных ситуаций и установления мирного сосуществования. Мусульманские практики урегулирования конфликтов включают: переговоры и медиацию с целью примирения («сульх»), третейское разбирательство («тахким»), судейство («махкамат», «кадият»), что соответствует способам урегулирования конфликтов в западной теории конфликтологии. Однако религия предъявляет особые требования к составу и поведению участников. Мусульмане издавна использовали данные практики в отдельности или в различном сочетании в зависимости от предмета и особенностей конфликта. Так, если нарушение религиозных обязанностей, преступления рассматривались в судебном порядке, то спор супругов, соседей или предпринимателей регулировался посредством одной или нескольких практик, к которым нередко прибегали поэтапно (переговоры–медиация–арбитраж–судейство).

В последнем случае можно говорить о существовании в исламе органов урегулирования конфликтов низшего, среднего и высшего звена, что было обусловлено, с одной стороны, общей логикой урегулирования конфликтов, а с другой – опытом мусульманских сообществ прошлого. Сначала стороны ведут переговоры, привлекают третьих лиц в качестве посредников, затем избирают арбитра, в дальнейшем обращаются к шариатскому судье. В мусульманских регионах современной России такими органами могут выступать рядовые верующие, представители бизнеса и духовенства, формальные и неформальные религиозные лидеры, обладающие соответствующими знаниями и опытом. Разумеется, речь идет не о внесудебном, а о досудебном урегулировании конфликтов в соответствии с ограничениями, накладываемыми светским законодательством.

Урегулирование конфликтов, согласно исламу, предусматривает: 1) следование предписаниям шариата; 2) полное изучение третьей стороной всех обстоятельств дела и заслушивание участников; 3) стремление к примирению оппонентов; 4) вынесение решения по справедливости; 5) веру в наказание от Аллаха тем, кто судит несправедливо, отступает от норм ислама и злоупотребляет своим положением; 6) обещание награды от Аллаха тем, кто судит по справедливости в соответствии с божественными установлениями. Хотя мусульманское учение сформировало данные принципы много столетий назад, они оказались актуальны и востребованы в постсекулярную эпоху. Более того, можно говорить о своеобразном возвращении традиции: если в условиях средневековой уммы наблюдалась тенденция к дифференциации религиозных посредников и судей в зависимости от их

⁹ Ваганова В. «Бизнес есть бизнес»: как инвесторы из Казани и Турции делят кафе Tawooks. 17 марта 2021. – Режим доступа: <https://www.business-gazeta.ru/article/502540>.

¹⁰ Отец 6 детей пожаловался, что казый Казани «незаконно» развел его с женой. 30 января 2023. – Режим доступа: <https://islamnews.ru/2023/1/30/otets-6-detey-iz-kazani-obvinil-kazyya-v-nezakonnom-razvode>.

полномочий, то теперь роли мусульманских медиаторов, арбитров и кадиев во многом сближаются, поскольку для урегулирования конфликтов между мусульманами оказались нужны люди с религиозными знаниями и широкой компетенцией. Представитель духовенства или верующий предприниматель с навыками арбитра-медиатора и соответствующим опытом может содействовать в решении конфликта больше, чем специалист по шариату, обладающий лишь теоретическими знаниями.

Литература

1. *Бобровников В.О., Ярлыкапов А.А.* Реституция шариата на российском Кавказе: проблемы и перспективы // *Raх Islamica*. 2013. № 2 (11). – С. 61–92.
2. *Варшавер Е., Круглова Е.* «Коалиционный клинч» против исламского порядка: динамика рынка институтов разрешения споров в Дагестане // *Экономическая политика*. 2015. № 3. – С. 89–112.
3. *Глянц А.С.* Принадлежность к мусульманской общности в Дагестане: анализ институтов и практик // *Антропологический форум*. 2018. № 36. – С. 154–182.
4. *Ионова А.И.* Судебная практика и арбитраж в исламе // *Вестник Московского университета. Сер. 13: Востоковедение*. 1995. № 1. – С. 22–31.
5. *Коран* / пер. с араб. и коммент. Б.Я. Шидфар. – М.: Изд. дом «Марджани», 2012. – 608 с.
6. *Казенин К.И.* Конкуренция институциональных регуляторов в городской среде Северного Кавказа. – М.: РАНХиГС, 2016. – 87 с.
7. *Сюкияйнен Л.Р.* Шариатское правосудие: теоретические основы и практика // *Отечественные записки*. 2003. № 2 (11). – С. 328–336.
8. *Аз-Зухайли В.* Тарих аль-Када фи аль-Ислам (история судейства в исламе). – Бейрут: Дар аль-Фикр, 1415/1995. – 590 с.
9. *Аз-Зухайли В.* Аль-Фикх аль-Ислами уа аль-Адилятуху (исламский фикх и его доказательства). Т. 5. – Дамаск: Дар аль-Фикр, 1405/1985. – 848 с.
10. *Аз-Зухайли В.* Аль-Фикх аль-Ислами уа аль-Адилятуху (исламский фикх и его доказательства). Т. 6. – Дамаск: Дар аль-Фикр, 1405/1985. – 824 с.
11. *Ибн Каййим аль-Джаузи.* Китаб уль-‘Алям аль-Муакки’ин Рабб аль-‘Алямин (наставление для тех, кто выступает от имени Господа Миров). Т. 2. – Даммам: Дар ибн аль-Джаузи, 1423/2002. – 490 с.
12. *Сахих аль-Бухари, Сахих Муслим, Сунан ан-Насаи, Сунан Абу Дауда, Джамии ат-Тирмизи, Сунан ибн Маджа, Муватта имама Малика, Муснад имама Ахмада* // Сайт сборников хадисов «Sunnah.com» (на араб. и англ. языках). – Режим доступа: <https://sunnah.com>.
13. *Baker A.M.* A Higher Authority: Judicial Review of Religious Arbitration // *Vermont Law Review*. 2012. Vol. 37. – Pp. 157–202.
14. *Boulding K.E.* Conflict and Defense. A General Theory. – Lanham: University Press of America, 1988. – 366 p.
15. *Broyde M.J.* Multicultural ADR and Family Law: A Brief Introduction to the Complexities of Religious Arbitration // *Cardozo Journal of Conflict Resolution*. 2016. Vol. 17. – Pp. 793–822.
16. *Coser L.* The Functions of Social Conflict. – New York: The Free Press, 1964. – 188 p.
17. *Coulson N.J.* A History of Islamic Law. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1978. – 272 p.
18. *Darendorf R.* Class and Class Conflict in Industrial Society. – Stanford: Stanford University Press, 1959. – 350 p.

19. *Hossain Sh.* Arbitration in Islamic Law for the Treatment of Civil and Criminal Cases: An Analytical Overview // *Journal of Philosophy, Culture and Religion*. 2013. Vol. 1. – Pp. 1–13. – Режим доступа: <https://www.iiste.org/Journals/index.php/JPCR/article/view/9231/9449>.
20. *Simmel G.* On Individuality and Social Forms / ed. D.N. Levine. – Chicago: The University of Chicago Press, 1971. – 461 p.

References

1. Bobrovnikov V.O., Yarlykapov A.A. Restitutsiya shariata na rossiiskom Kavkaze: problemy i perspektivy [Sharia Restitution in the Russian Caucasus: Problems and Prospects] // *Pax Islamica*. 2013. no. 2 (11). – Pp. 61–92. (In Russian).
2. Varshaver E., Kruglova E. “Koalitsionnyi klinch” protiv islamskogo poryadka: dinamika rynka institutov razresheniya sporov v Dagestane [“Coalition Clinch” Against the Islamic Order: Dispute-Resolution Institutions Market Condition in Dagestan] // *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy]. 2015. no. 3. – Pp. 89–112. (In Russian).
3. Glyants A.S. Prinadlezhnost' k musul'manskoj obshchnosti v Dagestane: analiz institutov i praktik [Belonging to a Muslim Community in Dagestan: an Analysis of Institutions and Practices] // *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum]. 2018. no. 36. – Pp. 154–182. (In Russian).
4. Ionova A.I. Sudebnaya praktika i arbitrazh v islame [Litigation and Arbitration in Islam] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13: Vostokovedenie* [Bulletin of Moscow University. Series 13: Oriental Studies]. 1995. no. 1. – Pp. 22–31. (In Russian).
5. Koran / per. s arab. i komment. B.Ya. Shidfar [The Qur'an / Trans. from Arabic by B.Ya. Shidfar]. – M.: Izd. dom «Mardzhani» [Moscow: Mardzhani Publishing House], 2012. – 608 p. (In Russian).
6. Kazenin K.I. Konkurentsija institutsional'nykh regulyatorov v gorodskoi srede Severnogo Kavkaza [Competition Among Institutional Regulators in the Urban Environment of the North Caucasus]. – M.: RANKhiGS [Moscow: Russian Academy of National Economy and Public Service], 2016. – 87 p. (In Russian).
7. Syukiyainen L.R. Shariatskoe pravosudie: teoreticheskie osnovy i praktika [Sharia Justice: Theoretical Foundations and Practice] // *Otechestvennye zapiski*. 2003. no. 2 (11). – Pp. 328–336. (In Russian).
8. Al-Zuhayli W. Tarikh al-Kada fi al-Islam [History of Judgeship in Islam]. – Beirut: Dar al-Fikr, 1415/1995. – 590 p. (In Arabic).
9. Al-Zuhayli W. Al-Fiqh al-Islami wa al-Adilyatukhu [Islamic Fiqh and Its Evidences]. Vol. 5. – Damascus: Dar al-Fikr, 1405/1985. – 848 p. (In Arabic).
10. Al-Zuhayli W. Al-Fiqh al-Islami wa al-Adilyatukhu [Islamic Fiqh and Its Evidences]. Vol. 6. – Damascus: Dar al-Fikr, 1405/1985. – 824 p. (In Arabic).
11. Ibn Qayyim al-Jawziyya. Kitab ul-‘Alyam al-Muakki’in Rabb al-‘Alyamin [Instruction for Those Who Speak in the Name of the Lord of the Worlds]. Vol. 2. – Dammam: Dar ibn al-Jawzi, 1423/2002. – 490 p. (In Arabic).
12. Sahih al-Bukhari, Sahih Muslim, Sunan al-Nasai, Sunan Abu Dawood, Jami al-Tirmidhi, Sunan ibn Madjah, Muwatta Imam Malik, Musnad Ahmad. – URL: <https://sunnah.com>. (In Arabic and English).
13. Baker A.M. A Higher Authority: Judicial Review of Religious Arbitration // *Vermont Law Review*. 2012. Vol. 37. – Pp. 157–202.
14. Boulding K.E. *Conflict and Defense. A General Theory*. – Lanham: University Press of America, 1988. – 366 p.
15. Broyde M.J. Multicultural ADR and Family Law: A Brief Introduction to the Complexities of Religious Arbitration // *Cardozo Journal of Conflict Resolution*. 2016. Vol. 17. – Pp. 793–822.

16. Coser L. *The Functions of Social Conflict*. New York: The Free Press, 1964. – 188 p.
17. Coulson N.J. *A History of Islamic Law*. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1978. – 272 p.
18. Darendorf R. *Class and Class Conflict in Industrial Society*. – Stanford: Stanford University Press, 1959. – 350 p.
19. Hossain Sh. Arbitration in Islamic Law for the Treatment of Civil and Criminal Cases: An Analytical Overview // *Journal of Philosophy, Culture and Religion*. 2013. Vol. 1. – Pp. 1–13. – URL: <https://www.iiste.org/Journals/index.php/JPCR/article/view/9231/9449> .
20. Simmel G. *On Individuality and Social Forms* / ed. D.N. Levine. – Chicago: The University of Chicago Press, 1971. – 461 p.